

ЭШЛИ ДЬЮАЛ

СВОБОДНЫЕ

**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2022

УДК821.161.1-31
ББК84(2Рос=Рус)6-44
Д92

Художественное оформление *Константина Гусарева*

В оформлении обложки использована иллюстрация:

© Maikova / Shutterstock.com;

В оформлении 4-й стороны обложки использованы иллюстрации:

© Artem Stepanov, str33t cat / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Дьюал, Эшли.
Д92 Свободные / Эшли Дьюал. — Москва : Эксмо,
2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-160224-6

Жизнь Зои кардинально меняется после смерти матери. Переезд в большой город. Знакомство с отцом, которого она никогда не знала. Первая любовь.

Учеба в элитной школе, открывающей перед выпускниками все двери. Общение с капризными детьми родителей-миллионеров.

Зои закручивает в водовороте событий.

Вот только она еще не знает, насколько опасными бывают игры богатей.

А добиваться справедливости в городе, где все решают деньги, значит подписать себе смертный приговор.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160224-6

© Дьюал Э., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2022

Стань для меня ветром

ГЛАВА 1

Я выпадаю из автобуса потому, что толстая, вонючая старуха со всей силы толкает меня локтем прямо по ребрам. Господи, клянусь, сейчас я накинусь на нее с кулаками и отыграюсь на ее провиснувших боках по полной программе, ведь в этой консервной банке мне пришлось ехать больше получаса и ничего человеческого в моих мыслях не осталось. Однако автобус болезненно кричит, выпускает мне прямо в лицо черную дымку из едкого, мерзкого запаха и благополучно уезжает, а я так и стою посреди остановки, злая, разочарованная и уставшая.

Так, Зои. Дыши, возьми себя в руки. Скоро ты будешь дома, завтра выходной, и ничто не помешает тебе «пуститься во все тяжкие», пусть ты совершенно и не понимаешь значения этого модного оборота. Ну, или, что кривить душой, понимаешь, просто не практикуешь.

Вздыхаю и срываюсь с места. Не хочу бежать, но удовольствие так и тянет меня за руки в сторону старого, дешевого заведения с отвратительным названием «Золотые куколки». Мама работает там уже больше трех лет. Зарабатывает неплохие деньги. Наверное, мне должно быть стыдно, ведь в ее профессии нет ничего хорошего, почетного или достойного. Но мне плевать. Едва я вспоминаю свои безумные, исступленные галлюцинации от голода, как тут же разделение на хорошие и плохие деньги испаряется само собой, ведь выбирая между достойной смертью и банальным выживанием — все мы выбираем вто-

рое, и тут уж не важно, кто ты, важно, насколько сильно жизнь тебя потрепала и как глубоко она успела воткнуть в тебя свои когти. Эти когти сжимают мне горло. Маму же эти когти стиснули со всех сторон. Я понимаю: рыпаться она не в состоянии, поэтому и не жалуясь на ее методы работы, на ее способы и пути достижения наших общих целей. Все меня устраивает, и, поверьте, ни на что я не собираюсь сетовать. Однако сейчас я злюсь так сильно, что могу расплавить дверь бара одним лишь своим взглядом.

На часах половина восьмого. Мамина смена закончилась еще утром. И мне безумно интересно, чем же она таким занимается, что пропала почти на целые сутки. Крепко стискиваю зубы: да, черт, да, я догадываюсь, куда же моя проблемная мать опять подевалась. И все же мне хочется верить, что я искренне заблуждаюсь. Ведь не всегда сюжетные клише работают. Порой человек вынужден заниматься тем, что ему несвойственно. Распахиваю дверь клуба, пробегаю мимо круглых, высоких табуреток — на них золотые куколки такое вытворяют, что даже мне не по себе становится, — и бесцеремонно врываюсь в гримерку. Что ж, а иногда этот человек занимается как раз таки тем, что паразитально ему подходит.

— Мам, — восклицаю я и расстроено хмурю лоб. Успокойся, успокойся — повторяю про себя, а внутри буквально стораю от злости. Мама лежит на ободранном диване, рядом с ней еще две женщины, которым едва ли за тридцать. Однако их лица так осунулись и состарились, что этим красоткам можно дать все сорок, и меня искренне поражает, как же быстротечна юность в руках у тех, кто ею пользоваться не умеет. Высокая, сочная брюнетка — собственно, моя дорогая мать — поднимается с кушетки и вытирает измазанные в туши глаза.

— Зои, что ты здесь делаешь?

— А ты?

Женщины постанывают. Одна из них сонно переворачивается и роняет на линолеум пустую бутылку из-под дешевого спиртного. Приходится пару раз откашляться, чтобы продолжить логично мыслить.

— Уже половина восьмого. Я волновалась. — Облизываю губы. — Ты же обещала.

— Все, все, прости, это в последний раз. Честно! — Она машет в сторону уродливых красоток и повторяет: — В последний. Мы поболтали, еще и чаевые были хорошие, а потом...

— Ладно. Одевайся. Я жду снаружи.

— Зои.

— Одевайся.

Искоса смотрю на блестящее, кружевное боди, прикрывающее лишь малую часть того, что вообще должна прикрывать одежда, и выхожу из комнаты. В баре пусто — для оголтелых нимфоманов слишком ранний час. Всеми силами пытаюсь прогнать с глаз ту картинку, когда моя мать в этом шикарном боди танцует на высоком табурете. Интересно, скольких же мужчин она сумела пленить, нацепив на свое тело эти блестящие нитки? Отвратные мысли. Правда в том, что моя мать не нуждается в эротическом белье или вульгарном корсете для того, чтобы привлечь чье-либо внимание. Без макияжа, в свитере и джинсах она выглядит так, как хотела бы выглядеть я. И не только сейчас, а вообще. Жаль, что существует та часть мамы, о которой никто даже не подозревает. Ведь вряд ли эти скупые кретины, засовывая ей в трусы десятки мокрых бумажек, понимают, что перед ними не пустоголовая шлюха, а толковая женщина.

— Зои, что, мамочка опять надралась?

Владелец бара никогда не отличался тактом. Но от него и не стоит ждать снисхождения, ведь даже жизнь над ним ни капли не сжалилась, одарив кривыми, грубыми чертами лица и толстым брюхом, как у каракатицы. Я улыбаюсь так мило, как только могу, и отвечаю:

— Не ваше дело.

— Она мне пять косарей должна. Напомни, слышишь, сопля? — Он подходит ко мне. Грозит пальцем, и я изо всех сил стараюсь держать себя в руках. Не стоит ждать от людей того, что им несвойственно. Например, вежливости от тупого барана.

— Я скажу.

— Умница. Вся *не* в маму. Пожелай ей *плохого* дня и передай, что я жутко ее *ненавижу*.

Он уходит, а руки все чешутся. Убираю с лица волосы и как-то обреченно осматриваюсь: клуб небольшой, со сценой и двумя пилонами. Возле круглых столиков — табуреты, и уже в который раз я думаю о матери, изгибающейся на этих подмостках именно так, как требуют покупатели. Стань шире, закинь ногу, прогнись, подойди ближе...

— Зои, пойдем.

Мама появляется со спины. Рассеянно хватая меня под локоть и тащит к выходу. На ней бежевое пальто, волосы собраны в тугий хвост. Косметику она стирала так усердно, что сейчас на щеках и под глазами остались красные подтеки, и я невольно прикасаюсь к мелким ранкам кончиками пальцев.

— Не нужно так тереть.

— Без разницы. — Она нервно дергает головой, и моя рука падает вниз. Мы выходим на улицу, идем к поддержанной, длинной «Хонде». Почему-то все мое недовольство исчезает, едва я вижу перед собой ту маму, которая дула мне на коленки, сушила волосы, учила готовить яблочный пирог. Странно, как же человек может сочетать в себе такие поразительно непохожие вещи. И ведь всему виной это банальное желание жить: жить лучше. Мы отчаянно верим, что где-то кому-то гораздо легче, чем нам. И мы стремимся к идеалу, которого на самом деле не существует. — Ты зачем приехала?

— Я волновалась.

— Я сама могу о себе позаботиться. Не надо меня контролировать, Зои.

— Я не контролирую, просто тебя долго не было. А ты пообещала...

— Знаю, знаю. — Она раздраженно достает из сумки ключи. Обходит машину, стуча по мокрому асфальту каблуками, и ловко запрыгивает в салон. Уже внутри она продолжает: — На моей работе тебе делать нечего.

— Хватит, а? Я же сказала, что просто не могла найти себе места. А ты, кстати, должна была прийти еще утром. Сейчас сколько времени? Сколько? — Пожалуй, я нагло пользуюсь тем, что мама для меня скорее подруга, нежели родитель. Разница в возрасте у нас смешная. Она узнала о беременности, едва ей стукнуло семнадцать, а мой отец — или как еще называют человека, чье семяизвержение предопределило твое рождение, — исчез практически в ту же секунду. Вот вам и конец судьбоносного уравнения: молодость плюс любовь определенно не равняется счастливому будущему.

Мама резко выворачивает руль, и машину неуклюже ведет в сторону. Выгибаю бровь:

— Ты в порядке?

— Конечно в порядке. Просто терпеть не могу, когда ты меня не слушаешь. Не надо тебе шляться у меня на работе, уяснила? Ты не должна там находиться. Не должна видеть меня в таком виде.

— Перестань.

— Не перестану. — Она отрывает взгляд от дороги. Смотрит на меня серьезно и вроде как пытается запугать, но я вижу лишь красивую женщину с пухлыми губами и широкими, острыми скулами. С едва заметными ссадинами от жесткой мочалки. С синяками под глазами от бессонной ночи. — Жди, звони, но бар обходи стороной. Я не для того терплю застрявшие в заднице стринги, чтобы ты забегала к нам на огонек.

— Боже, тогда перестань пить с этими проститутками.

— Думай, что говоришь!

— Мам, брось это.

— Разговор окончен.

— Почему?

— Потому что я так сказала. Не хватало, чтобы ты мне еще нотации читала. Зои, это не твое дело.

— Я просто хочу, чтобы ты...

— Что? — Она вновь бросает на меня дикий взгляд и пожимает плечами. На ее губах ярко-алая помада. Единственный штрих, от которого она никогда не избавляет-

ся. — Чтобы я стала лучше? Изменилась? Я классно провела время, и мне хочется и дальше его так проводить. Это не конец жизни, я не обязана сидеть дома, напевая тебе колыбельные, так ведь? Ты же у меня уже взрослая, вот и дай мамочке пожить.

— Это просто невысказано! Живи, пожалуйста, ради бога. Только не надо сходить с ума и...

— Хватит.

— Но я правда волнуюсь.

— Волнуйся сколько влезет, а на работу ко мне не суйся. Услышала?

— Но...

— Услышала?

Недовольно скрещиваю на груди руки. Разве это честно? Так и хочется закричать: ты же моя мама! Ты должна понимать, что упиваться в компании каких-то шлюх неправильно! И жить так неправильно! Ладно, да, нам нужны деньги. Для того и приходится работать в этом мерзком баре. Но чтобы от этого еще и удовольствие получать? Отмечать выманенные кружевными трусами деньги? Тратить их так беспечно, будто дома в лишней сотне никто не нуждается? Нет, этого я определенно не понимаю.

— Что? — бросает она, наверняка увидев мое перекошенное от недоумения лицо.

— Ничего.

— Зои, прошу тебя.

— Я молчу.

— Пожалуйста, солнышко, я не хочу ссориться.

— Мы и не ссоримся. Все в порядке. — Вздыхаю и поражаюсь, как же она так быстро сумела успокоиться и переключиться на Мисс Заботливая Мама. Может, действительно есть особая кнопка? — Ты не думала о том, что я не вмешиваться хочу, а просто пытаюсь помочь?

Мама опять не смотрит на дорогу. Встречается со мной взглядом и усмехается.

— Когда за плечами столько ошибок, надеешься, что хотя бы дети сумеют их избежать. И я знаю, ты лучше меня, умнее. Поэтому не ходи за мной, а иди своей дорогой.

— Мам, я обожаю тебя, но я боюсь. Этот алкоголь, он...

— ...средство против многих неприятностей. Я не помню себя в твоём возрасте, вот и пытаюсь наверстать упущенное.

— Упущенного не наверстаешь.

Мама вдруг искренне смеется. Отрывает правую руку от руля и игриво взъерошивает мои и так спутанные волосы. Хихикает:

— Ну, голова же! Откуда такие мысли? Не в отца, зуб даю! В меня, что ли?

Наконец улыбаюсь.

— В кого ж еще. Идеальная мамочка, — сжимаю ее пальцы.

— Солнце, прости, что сорвалась. Не могу видеть тебя в баре, хоть тресни. Это как ножом по сердцу, понимаешь? Ты еще и застала меня в таком виде. Боже. Если решишь найти себе новую мамашу — я возражать не стану. Честное материнское!

— Нарываешься на комплименты, да?

Мама улыбается, широко, искренне. И это последнее, что я вижу, прежде чем нашу машину таранит нечто гигантское.

Успеваю уловить в воздухе чей-то крик. Думаю, он мой. Но кто знает? С мамой голоса у нас схожи. Может, это она мне что-то сказала? А затем мне жутко больно, будто разом все тело разламывают на две части. Я давлюсь собственным ужасом и отключаюсь.

Не знаю, сколько проходит времени. Открываю глаза и тут же испускаю болезненный стон от пронзившей все тело дикой боли. Темно, мне темно! Я пытаюсь дотянуться руками до лица, но не могу даже пошевелиться и мычу нечто несуразное, ерзая головой на сиденье. Что происходит? Где я? Что за запах? Мама? Где ты? Почему ты не смотрела на дорогу? Почему я тебя отвлекала? Грудь разрывается от рыданий, которые не способны выйти наружу, и я только и делаю, что верчусь, стону, опять верчусь. Наконец высвобождаю руку из-под какого-то тяжелого, острого куса металла и смахиваю с глаз черную пелену.

Она липкая. Смахиваю еще раз и понимаю: это кровь. Она везде, повсюду! Течет по моему лицу, щекам, подбородку, капает на перевернутую крышу автомобиля. Перевернутую... Нас протаранили.

Нас могли убить!

— Мам, — хриплю я. В горле, будто тысячи осколков. — Мам! Мама!

Я тяну к ней свободную руку и вдруг замираю. Кажется, это ее лицо. Оно тоже липкое, и оно жутко холодное. Не знаю, что именно в тот момент до меня доходит, но я вдруг взрываюсь таким плачем, что разбитые окна в машине неприятно и тягуче дребезжат. Извиваюсь изо всех сил и отталкиваюсь сдавленными ногами от пола.

— Нет, нет! Мама! — Опять касаюсь пальцами ее сплвшихся волос. — Мама! Я сейчас, мам!

Во рту скапливается кровь. Я выплевываю ее, а она вновь катится вниз по моему горлу. Наконец просыпаются слуховые рецепторы: я слышу визг запоздалых сирен. Затем включаются вкусовые рецепторы: кровь на вкус ржавая и прокисшая, как компот. А потом в себя приходит обоняние, и я ощущаю этот мерзкий, тяжелый запах гари, крови, резины, и в голове все смешивается. Я реву, реву, извиваюсь, бью ногами дно машины, будто это как-то сможет мне помочь. И я ору так неистово до тех пор, пока меня не вытаскивают из салона чьи-то сильные руки.

Меня уносят прочь от изуродованной, смятой «Хонды», а я тяну ту единственную здоровую ладонь обратно к маме и плачу. Я кричу, прошу отпустить меня, говорю, что должна увидеть ее, спасти ее! А они не слышат. Все отдаляются и отдаляются. И перед моими мутными глазами остаются лишь куски прошлой жизни: куски нашей подержанной машины, куски неба, куски фонарных светлых пятен. Я обессиленно откидываю назад голову, смотрю вверх — на эти тусклые, мелкие звезды. Спрашиваю себя: что теперь будет? И вместо ответа, подкатившего к горлу в виде сотен, тысяч горячих слез, падаю в бесконечную, черную дыру.

ГЛАВА 2

У меня не было своей комнаты, поэтому и вещей мало. Все поместилось в одну большую черную сумку, подаренную маме каким-то ухажером в надежде, что она начнет путешествовать или, может, куда-то с ним уедет. Однако едва мужчины узнавали, что вместо двух фигур в их романе будет присутствовать третья, они тут же испарялись, оставляя после себя лишь эти нелепые, ненужные подарки. Так что удивительно, что сумка оказалась полезной. Прочий хлам, то есть декоративные вазы, набор желтых чашечек, пепельница в виде голой русалки — мама в жизни не притрагивалась к сигаретам, — уродливые настенные часы, два фикуса, три азалии: все это я оставляю за порогом съемной квартиры, даже не моргнув глазом. В этих вещах нет смысла. В этих вещах лишь одни воспоминания. А я не хочу ни о чем помнить. Хочу потерять память, абстрагироваться и забыть о тех днях, когда что-то для меня имело значение.

Я решительным шагом спускаюсь по лестнице, выбегаю на улицу и сильно кусаю губу. У подъезда уже ждет машина. Социальный работник — сорокалетняя, миловидная блондинка в сером, прямом пиджаке — стоит возле левого крыла «десятки» и одаряет меня снисходительным взглядом. Пожалуй, это единственный человек, с которым я перекинулась хотя бы парой слов после аварии. Она забирает из моих рук сумку. Кидает ее на заднее сиденье и кивает мне в сторону передней двери. Я послушно усаживаюсь в салон.

— Ты всегда можешь мне позвонить, — говорит она, заводя «десятку». Ее ногти аккуратные, покрытые блестящим лаком. И я бы решила, что она хорошо зарабатывает, если бы не знала о том, сколько платят тем, кто в нашей стране делает хотя бы что-то полезное. — Зои, ты меня слышишь?

— Да. Слышу.

Смотрю в окно — раннее утро. Мой родной город исчезает из вида. Дома, пейзажи, люди, машины — все это

проносится с дикой скоростью, и я даже не успеваю испугаться из-за того, что на меня вновь нахлынут воспоминания. Я понимаю, я ничего не почувствую, но все равно упрямо продолжаю глазеть по сторонам, создавая видимость живого интереса.

— Надо потерпеть, милая. Просто потерпеть. Еще три месяца, и ты выпустишься из школы, сможешь поступить в институт и съехать. Тут же!

Киваю.

— А еще, — продолжает блондинка, — тебе не придется делить с кем-то комнату, волноваться из-за еды, и я буду спокойна. Понимаешь?

— Понимаю. — Ремень стягивает тело. Я хватаюсь за него пальцами и как-то судорожно выдыхаю: не знаю, когда смогу вновь сидеть на пассажирском сиденье и не думать о широкой, прекрасной улыбке самой обольстительной в этом городе женщины.

— Ты в порядке?

Недоверчиво смотрю на блондинку. В порядке ли я? Внутри кипит злость, она обжигает все тело, и я испытываю непреодолимое желание выплеснуть весь этот пожар из себя наружу, взорваться, заорать, разлететься на куски! Разве я в порядке?

— Да. — Отворачиваюсь. — Все хорошо.

Не думаю, что она мне верит, но профессиональный опыт и отличная чуйка заставляют ее засунуть язык куда подальше. Возможно, поэтому я и спокойна рядом с этой блондинкой. Она знает: говорить мне невыносимо, отчего и не требует от меня того, что смогло бы перевернуть в моей душе последние остатки гордости, решимости. Воли. Я больше не хочу плакать. И, да, возможно, я выбираю неправильный путь. Однако забыть о том, что случилось, проще, чем смириться. А быть сильной? Важно ли в таком случае отличаться особой смелостью? Черт с ней. Лучше я буду слабой, чем искалеченной собственными же мыслями.

Поджимаю губы и зажмуриваюсь: подумать только, я еду к отцу. Просто поразительно. Я собираюсь жить с человеком, которого никогда не видела и поклялась вечно

ненавидеть. Что может быть ироничнее неизбежности? Ты знаешь, что вот-вот сорвешься с края, но все равно продолжаешь по нему идти: других-то вариантов особо не наблюдается. И ты обязательно спотыкаешься, и падаешь, и расшибаешься в лепешку, и вдруг наивно удивляешься, ведь, черт подери, пусть конец и был предрешен, ты все равно упрямо надеялся. Вот она человеческая природа во всей ее красе: умение талантливо и забвенно обманывать не только окружающих, но и самого себя. Я открываю глаза и опускаю взгляд на свои руки. Они дрожат, и мне приходится сцепить их на коленях. Не хватало, чтобы еще блондинка начала свой допрос.

— Зои? — Черт, заметила. — Нам ехать сутки. Может, остановимся отдохнуть?

Не заметила. Пожимаю плечами и отрезаю:

— Ваше дело.

— А ты как считаешь?

— Я считаю, что это ваше дело.

Блондинка почему-то улыбается. Странно. Наверно, я слишком долго не общалась с людьми, и умение грубить стало поводом подружиться.

— Ты интересная девушка.

— Да что вы говорите, — закатываю глаза и вновь смотрю в окно. *Ненавижу говорить, не хочу говорить, не говорите со мной.*

— Я думаю, у тебя все будет хорошо. Да, сейчас тебе страшно, но вскоре рядом появятся близкие люди, и они поддержат тебя.

Не собираюсь отвечать, но слова сами срываются с языка.

— Какие же такие близкие люди? Костик?

— Заметь, Зои, я ничего не говорила о твоём отце. Ты сама о нём вспомнила.

— Тогда кого же вы имели в виду?

— Понятия не имею, — улыбается она, и я недоверчиво хмыкаю. — Кто знает, кого ты встретишь? Питер — чудесный город. Он не просто красив наружностью, он красивый внутри. И люди там есть такие же. Слышишь?

— Хорошо. — Я киваю и вымученно улыбаюсь. — Как скажете.

Блондинка выдыхает, и мы продолжаем ехать молча. Постепенно темнеет. Вместо полей — только черные лоскутки и тусклые пятна от фонарей. Они сливаются в одну линию и несутся за нами, оставляя след, будто хотят, чтобы потом я смогла найти дорогу домой. Но у меня больше нет дома. Без мамы — все не так. Нигде нехорошо. Без мамы нет ни смысла, ни целей. Она умерла, и умерло все. Над головой потухло солнце, и теперь я иду на ощупь в поисках какого-то мнимого спасения. Вот только нужно ли мне оно? Может, я тоже не прочь умереть. Да, это странно, но уже два долгих месяца я задаюсь одним и тем же мучительным вопросом: почему выжила я? Мы ведь были в *одной* машине, нас *обеих* хорошенько потрепало, однако почему-то именно я пришла в себя. Искать в этом злой умысел попросту глупо. Правда, мне больше ничего и не остается, кроме как надеяться на то, что выжила я не для галочки в каком-то небесном списке, а с определенной целью. Вот только с какой? Может, я должна стать ученым? Спасти мир? Сшить себе геройское трико? Над последним тихо хихикаю и удивляюсь своей способности еще растягивать губы в улыбке. Если честно, от этого становится страшно. Страшно, что жизнь действительно продолжается. Кто бы мог подумать. Смысл я вроде как и потеряла, однако Земля не остановилась, а время не замедлило своего хода. И даже самое нещадное событие, расколовшее на две части все мое существование, не смогло что-либо изменить.

Мы делаем остановку часов через восемь, я снимаю наушники и вываливаюсь из машины, едва не падая. Выпрямляюсь, поправляю задравшуюся чуть ли не до подбородка кофту и оглядываюсь: что может быть лучше ночи, проведенной в каком-то мотеле. Я даже не думала, что у нас такие бывают. Маленькие, одноэтажные, со старыми дверьми и побитыми оконными рамами.

— Не думала, что магистраль будет забита машинами, — извиняющимся тоном щебечет блондинка и поправляет мятый пиджак с мокрыми кругами под мышка-

ми. Зачем она вообще его напаялила? Не на собеседование ведь направляемся. — Мы отстаем от графика. Придется рано проснуться.

— Уже и так рано, — буркаю я. — Часа три, наверное.

— Ты перекусить хочешь?

— Нет, спасибо.

— Зои, мы в пути полдня.

— И что с того?

— Ты не могла не проголодаться.

— Вполне даже могла.

— Зои, пожалуйста.

— Вы не обязаны обо мне заботиться. Я не ваша дочь. Я вам вообще никто.

— Не говори так! — Впервые в голосе блондинки звучит обида. Женщина сердито хлопает дверцей, и тут же эхо разносится по пустой стоянке. — Прости.

— Боже, да за что вы извиняетесь? Со мной все в порядке, я в порядке! — Я разворачиваюсь и быстрым шагом несусь в сторону мотеля.

Не хочу, чтобы она шла следом, но она идет, ведь как иначе? Не смотрю на нее, когда мы бронируем номера. Не смотрю на нее, когда она вручает мне ключи. Не смотрю на нее, когда ухожу. Мне не нужна чья-то жалость, не нужна чья-то забота. Единственный человек, который мог обо мне беспокоиться, умер! И сейчас я не желаю никого видеть, слышать, не могу просто. Врываюсь в комнату и со всей силой хлопаю дверь. Облокачиваюсь об нее всем телом и повторяю: *никого*. Новая волна страшной безнадёги накатывает на меня, когда я ее совсем не жду. Я же пообещала себе больше не плакать. Так, не реви же, Зои, не реви! И тут же по щекам скатываются слезы. Вытираю их, отпрыгиваю назад и хватаюсь руками за голову: мама не вернется. Никогда уже не вернется.

Сажусь на кровать, она так сильно прогибается, что я проваливаюсь и опускаю на колени голову. Мне совсем не больно. Только лишь, когда дышу.

Проходит немало времени, прежде чем я беру себя в руки. Сморкаюсь, подхожу к старому зеркалу и вытираю

пальцами мокрые глаза, щеки, затем заправляю за уши светлые волосы. Моя мать была самым обычным человеком, таким же, как и мы все: с недостатками, с грешками, с ошибками. Но что в ней и было особенным, так это безумная воля к жизни. Брошенная всеми, покинутая и растерянная, она продолжала идти, несмотря ни на какие препятствия. И сейчас она бы злилась, увидев мое лицо. Она бы сказала: «Будь свободна от предрассудков и от жизненных помех. Мы думаем, именно проблемы делают нас людьми, но людьми нас делает обыкновенное счастье, и счастье — редкий дар, не упускай его, Зои. Живи и радуйся даже тогда, когда хочется плакать. Наслаждайся, даже совершив ошибки. Находи хорошее даже в плохом, и тогда ты не пропадешь».

Я улыбаюсь, представив перед собой мамино лицо. Встречаюсь со своим отражением в зеркале и вдруг вижу эту похожую улыбку. Вскидываю брови, касаюсь пальцами груди, там, где бьется сердце, и понимаю: мама — во мне, в моих жестах, в моих словах. Она никогда меня не покинет. Неожиданно я понимаю, что хочу сделать.

Выбегаю из комнаты. Несусь к круглосуточному магазину и сосредоточенно осматриваю прилавки. Возвращаюсь, сжимая в руке упаковку с краской. Порывисто разрываю ее и извлекаю баночку. Да, это то, что мне нужно. Через полчаса мои волосы темно-каштановые, и я ошеломленно изучаю их в зеркале. Перебираю пальцами. Если люди и совершают странности, ведясь на поводу у эмоций, то это определенно одна из них.

Непривычно быть так сильно похожей *на нее*. Локоны мокрые, почти черные. Мне недостает только ярко-алой помады. Тянусь за маленьким, пожелтевшим от времени феном, как вдруг раздается стук в дверь. Неужели блондинка? Надо бы узнать ее имя и запомнить его. Эта женщина пытается помочь мне, а я даже спасибо ей не говорила. Заслуживает ли она такого отношения? Если каждый проблемный ребенок вдруг решит в отместку поиздеваться над ней — она сойдет с ума. Я, наверное, погорячилась. Распахиваю входную дверь и тут же замираю: это не блондинка.

Вместе с запахом алкоголя в комнату влетает худощавый парень, хватая меня за рот и сжимает его с такой силой, что мне становится больно.

— Я отпущу, — задыхаясь, говорит он мне на ухо, — а ты не кричи, договорились?

Киваю. Однако едва он ослабляет хватку, как тут же я вырываюсь и открываю рот для пронзительного ора.

— Стой, стой! — выставив перед собой ладони, восклицает незнакомец. Я вижу, что у него разбита губа и из носа течет толстая красная полоска. — Мне надо спрятаться. У тебя единственной горел свет.

Мне страшно. Не знаю, что делать, так и стою, растопырив пальцы, будто жду, что этот парень сорвется с места и решит разодрать мне глотку. Говорю:

— Уходи.

— Пять минут. Пять минут, и я исчезну, прошу.

— Но что с тобой? — Сам парень слишком худой, чтобы первым лезть в драку. Собственно, поэтому я невольно воспринимаю его как жертву. — На тебя напали?

— Можно и так сказать.

— Ты не уверен?

— Скорее я сам напросился. — Незнакомец неуклюже горбит спину и вытирает руками уже опухший и бордовый от удара нос. — Черт, — парень пьяно морщится, — жжется, дрянь.

Так и тянет полюбопытствовать, что же на самом деле происходит, однако здравый смысл подсказывает мне не начинать беседу с каким-то неизвестным психом.

— Я не хотел тебя напугать.

— Может, — сглатываю и нерешительно продолжаю, — может, тебе нужен доктор?

— Обойдусь.

— Но ты в крови. Тебя хорошенько разукрасили.

— Я еще легко отделался.

— Что же ты натворил?

— Проиграл. — Парень усмехается и тут же морщит лоб. Наверняка нос жутко щиплет. Смотреть на подобные душевные терзания трудно, поэтому я решаю проявить со-

чувствие. Беру полотенце, иду в ванну, подставляю край под холодную воду и возвращаюсь уверенная в своем желании хотя бы немного спасти ночку этого парня. — Держи.

— Спасибо. — Он удивленно хмыкает. Придавливает полотенце к носу и облегченно выдыхает. Осматриваю его кудрявые угольные волосы, торчащий чуб, крупные, безобразные веснушки — не дай бог, самой иметь такие — и зеленые, мутные от алкоголя, глаза. Цвет как у меня. С коричневыми, мелкими крапинками. Думаю, мы с ним одногодки. Интересно, каким же образом он умудрился нажить себе неприятности, не успев достигнуть совершеннолетия? — Считаешь, я ненормальный?

— Есть такая мысль.

— Просто никогда не приходи на закрытые вечеринки.

— Подожди, что? — недоверчиво вскидываю брови. — Тебя избили потому, что ты без спроса пришел на танцы?

— Меня избили не за *то*, что я пришел, а за *то*, *зачем* я пришел. Сечешь?

— И зачем же ты туда пришел?

— Совет номер два: никогда не влюбляйся в шикарных, рыжеволосых отличниц. Говорю по своему опыту. У нее сто процентов есть тот, кто захочет тебя избить. И у него есть парочка дружков, вызвавшихся составить компанию. И в итоге у всех кто-то есть, кроме тебя самого.

В глубине души я знаю, что должна прогнать парня, пинком вытолкнуть за дверь. Но не делаю этого. Не хочу. Он ведь не представляет угрозы. А главное, я неожиданно понимаю, что именно в общении ключ к моему спокойствию. Раньше мне казалось, быть наедине с мыслями — проще, чем ими делиться. Однако сейчас до меня доходит: необязательно рассказывать о том, что у тебя на сердце. Можно ведь и слушать других. Чем не осознанное забвение? Специально быть внимательным, лишь бы не концентрироваться на собственных проблемах.

— Я, наверное, должен уйти.

— Уверен? — Потираю глаза: их немного щиплет. — Может, тебе нужна помощь?

— А тебе?

Он смотрит мне прямо в глаза и, кажется, понимает, что я нахожусь в отвратительном состоянии, колеблясь между девушкой-само-спокойствие и девушкой-разбитой-истеричкой. Когда люди вдруг стали такими пронизательными?

Наверное, алкоголь разбудил его шестое чувство.

— Пьян ты...

— Верно.

— И кровь течет у тебя.

— Тоже факт.

— Тогда зачем помощь мне? Кажется, это у тебя проблемы.

— У всех есть проблемы. Просто мои, — он обводит пальцем гематому у носа, опухшую губу и смеется, — отражены на лице.

Внезапно раздается грохот. Я испуганно отпрыгиваю в сторону, а мой новый знакомый эмоционально выругивается. Переводит на меня растерянный взгляд и говорит:

— Мне крышка.

— Это что, за тобой? — В дверь вновь стучат так сильно, что меня всю передергивает, и я сердито свожу брови. — Что им нужно? Что ты на самом деле натворил?

— Да ничего такого! Просто...

— Что просто? Из-за рыжеволосых отличниц людей не разыскивают посреди ночи!

— Возможно, дело не только в них. — Парень кладет на тумбу полотенце, покачивается назад и наигранно кланяется. — Открывай. Я все равно — труп.

Так и тянет спросить: кто эти люди, что ты натворил, почему не борешься, почему опускаешь руки? Но я не говорю ничего. В голове что-то срабатывает. Я вдруг понимаю, что должна помочь, обязана, ведь, черт подери, не зря этот человек оказался именно в моем номере. К тому же у меня имеется немалый опыт в общении с опасными кретинами.

— В ванной есть окно. — Я смотрю на парня. Его брови ползут вверх, а у меня внутри все возгорается, будто я сделана из бумаги. — Беги. Я задержу их.

— Но...

— Беги.

Мы глядим в похожие глаза друг друга и молчим. Дверь вновь трещит от ударов, кто-то за ней кричит и злится, а мы не двигаемся. Все никак не решаемся сделать то, что в моем случае подвергнет опасности жизнь, а в его — подвергнет опасности совесть. Наконец мои пальцы касаются дверной ручки, они сжимают ее, холодеют.

— Ты же совсем меня не знаешь, — как-то нервно хрипит парень. — Совсем.

С этим не поспоришь, поэтому я лишь пожимаю плечами и говорю:

— Беги.

На этот раз парень не медлит. На заплетающихся ногах он срывается с места и исчезает за дверью ванной. Я слышу, как через несколько минут хлопает оконная рама, глубоко втягиваю в легкие воздух и, смирившись с чем-то ужасным и до нелепости глупым — ведь действительно смешно умереть во вшивом отеле по счастливой случайности, — распахиваю дверь. На пороге меня встречают три незнакомца. Предполагаю, именно они избili моего нового знакомого. Костяшки пальцев у них разукрашены запекшейся кровью. По бокам — два лысых громилы. В центре молодой, светловолосый парень со взглядом как у коварного, мерзкого кота.

Он ухмыляется и делает шаг вперед.

— Добрый вечер.

Так и хочется спросить — какой, к черту, вечер? Но страх не дает даже бровью повести, поэтому я прилежно затыкаю своему сарказму глотку.

— Тут был человек.

— Какой человек?

— Обычный такой. Невысокий, худой, *с кровью на лице*. — Незнакомец смотрит мне прямо в глаза, а я чувствую запах сигарет, исходящий от его выглаженного, идеального костюма.

— Не понимаю, о чем вы. — Пальцы с силой сжимают край двери. — Я никого не видела.

Белый воротник парня заляпан красными пятнами. Громко сглатываю, когда представляю, как незнакомец жестоко избивал моего нового знакомого. Что же тот натворил и за что так поплатился? Не думаю, что тут дело действительно в девушке. Скорее всего, стоит вопрос денег. Иначе как объяснить, что по бокам незнакомого парня два огромных секьюрити, а на испачканных кровью рукавах — золотые запонки.

— Мы не хотели тебя беспокоить, — мурлычет незнакомец, а сам испепеляет меня ядовитым взглядом. Осматривает, выискивает что-то. — Прими наши извинения.

— Ничего страшного. — Говорить сложно: в горло будто навалили сотню камней, но я все же собираюсь с мыслями и отрезаю: — Доброй вам ночи.

Господи, какая глупость! Доброй вам ночи? Да они же наемники какие-то, Зои! О чем ты думала? Однако отступать уже поздно. Я закрываю дверь, и последнее, что вижу — довольную, чеширскую улыбку незнакомца. Почему он так улыбается? Что он заметил?

Оставшись одна, облакачиваюсь спиной о стену и хватаюсь руками за лицо. Вот так ночка! Растерянно бегаю взглядом по комнате. Что же увидел этот жуткий парень? Может, он просто спятил? Глаза у него действительно безумные. Я со многими подонками общалась, но так жутко мне давно не было. Эти люди — опасные. Они способны на то, на что мы — обычные смертные — никогда бы не решились.

И тут я вдруг замечаю это чертово полотенце на моей тумбе.

Окровавленное полотенце.

— Вот же... черт!

Закрываю дверь еще на два оборота. Задергиваю шторы. Бегу в ванную и с силой хлопаю оконной рамой. Руки дрожат, не слушаются. Почему мне так страшно? Ведь все позади. Они ушли. Они знали, что я обманываю, но все равно ушли. Это обозначает лишь то, что до меня им нет никакого дела. Так ведь? Я попросту им не нужна. Я ложусь в постель. Не выключаю свет. Закрываю глаза. Но не сплю. Ни минуты.

ГЛАВА 3

Дом моего отца трехэтажный с массивными, темно-зелеными стенами и колоннами в стиле ампир. Я исследую из окна машины этот замок и еле сдерживаю злость. Почему именно злость? Да потому что я все думаю о том, как мы с мамой едва сводили концы с концами, а этот человек шикавал в роскошных покоех. Да, не мне судить, и ситуация, в которую угодили мои родители, мне неизвестна. Однако я не могу не замечать того, что находится прямо перед моим носом. Например, кирпичных дорожек, бескрайних полей для гольфа и необъятных бассейнов на лужайке каждого дома. Все это для меня в новинку, и первые несколько минут мне кажется, что я сплю.

— Дом — старый, но хорошо сохранившийся, — сообщает блондинка. Она паркуется у входа и переводит на меня серьезный взгляд. — Твой отец богат. Я знаю, тебе не по себе, но постарайся не акцентировать на этом внимания.

— Не акцентировать внимания? — удивленно переспрашиваю я, пусть и не хочу, чтобы в моем голосе звучали хотя бы нотки восхищения. — Это здание больше всего нашего общежития, вместе взятого! Он что — мафиози?

— Городской судья.

— Один грех.

— Зои, зря ты покрасилась, — неожиданно поучает меня блондинка. Я недоверчиво смотрю на нее ижимаю плечами.

— Захотелось.

— Поговорим об этом?

— Нет.

Открываю дверь и выкатываюсь из салона. Нехотя еще раз осматриваю витые, медные ставни. Злость — сильное чувство. Я знала, что не смогу стерпеть человека, бросившего не только меня, но и мою мать гнить где-то в тесной, разваливающейся комнате. Но думала ли я, что возненавидеть его окажется так просто? Черт, прохожусь рукой по волосам и растерянно поджимаю губы: что я здесь вообще

забыла? Это же невысказано! Жить с отцом, да и какой он мне отец? Как же его называть? Константин Сергеевич? Костик? Папа? Как же все это глупо. Моя мама погибла, а я решилась на переезд в дом человека, не имеющего ни капли совести, ответственности, рассудка; не имеющего ни грамма знания *о той* жизни, *о тех* проблемах, *о том* мире, который сердито поджидает всех за порогом этого чудного, зеленого домика. У этой семьи есть антидот. У моей мамы его сроду не было. Что же имеется у меня, кроме перспективного, потрясающего будущего в логове злейшего врага?

Я постанываю и захлопываю дверь. Блондинка переводит на меня снисходительный взгляд, собирается сказать что-то обнадеживающее — я думаю, — как вдруг на пороге коттеджа появляется высокий, светловолосый мужчина и устремляет прямо на меня свои зеленые глаза. Не знаю почему, наверное, это сродни инстинктам, но я сразу понимаю, что это он — мой отец. Мы никогда не виделись, никогда не разговаривали, но достаточно лишь одного взгляда, и все становится предельно ясно. Он мой папа. Он меня бросил. И я должна злиться, но почему-то ощущаю в груди дикий трепет, словно этот человек — единственная родня, оставшаяся у такой вот несчастной сиротки. Нервно поправляю сумку — он нервно дергает ворот свитера. Растерянно поджимаю губы — он растерянно хмурит лоб.

Первой в себя приходит блондинка. Она откашливается и сокращает расстояние между собой и моим...
Хм. *Этим человеком.*

— Здравствуйте, я Наталья Игоревна. — Она жмет ему руку и зачем-то кивает. — Надеюсь, мы не сильно опоздали. Дороги, как специально, были забиты, поэтому нам пришлось постоять в пробках. Тем не менее я привезла всю необходимую документацию. Электронная копия у вас уже имеется, но начальство потребовало письменного подтверждения. Итак, распишитесь. Вот здесь. И здесь.

Этот человек делает, как она велит. Затем опять поднимает взгляд на меня и как-то нервозно пожимает плечами.

— Здравствуй, — говорит он, а у меня даже язык не поворачивается ответить. Я знаю, я должна сказать хоть что-то. Должна! Но не выходит. Внутри вдруг становится так тяжело, что я отворачиваюсь, не найдя в себе сил смотреть в такие похожие, зеленые глаза.

— Это Зои, — будто мне пять лет, сообщает блондинка. Она подтаскивает меня к себе и стискивает за талию. — Я хочу быть уверена, что за эти три месяца с ней ничего не случится. Просьба личная. В документах вы ее не найдете. Просто мне будет спокойнее, если вы дадите слово.

— Наталья, я и рад вам пообещать, что все сложится без происшествий. — Происшествий? Это так он называет внезапно объявившуюся семнадцатилетнюю дочь? Что ж, отличное определение. И ведь не скажешь — ошибка молодости. Куда приятнее звучит «огромное недоразумение». — Может, пройдет? — продолжает *он*. — Прошу, заходите. Вы долго ехали и наверняка устали. Мы приготовим гостевую комнату.

— Нет, спасибо.

Затем блондинка поворачивается спиной к *этому человеку* и кладет крепкие ладони мне на плечи. Она смотрит мне прямо в глаза, и я чувствую себя ужасно глупо, но не сопротивляюсь. Жду, когда же эта странная женщина скажет уже то, что накопело.

— Ты — не твоя мать. — Пожалуй, это самое неожиданное напутствие. Оно бьет по моему лицу, как пощечина, и я обиженно сжожу брови. Хочу ответить, вырваться, однако блондинка продолжает: — Вы можете походить внешне, и я не сомневаюсь: внутри вы также поразительно схожи. Правда, это ничего не значит.

— Ясно.

— Подожди. Послушай.

— Зачем? Вы говорите не о моей матери. Вы говорите о том, кем она являлась для вас, для окружающих, для остальных. Но вы понятия не имеете, какой она была на самом деле. Так вот знаете? Я хочу быть как она. И мне не стыдно.

— Я не имела в виду, что...

— Да. Вы не виноваты. Все это уверенность людей, будто они действительно понимают жизнь. Ни черта вы не понимаете. В любом случае спасибо вам, Наташа. — Впервые я называю ее по имени, и блондинка растерянно хмурит нос.

— Я хочу, чтобы у тебя все получилось.

— Я тоже этого хочу.

Пожимаю руку социальному работнику. Знаю, она не специально, она не понимает, она *не может* понять, ведь никогда не ощущала ничего подобного, и поэтому пытаюсь утихомирить в груди обиду. Нельзя испытывать ярость лишь от того, что другим твои чувства незнакомы. Когда-нибудь они изменят свое мнение. А если не изменят — и слава богу, ведь изменить его смогут только паршивые события.

Блондинка уезжает. Я смотрю, как «десятка» скрывается за поворотом, и внезапно осознаю, что за моей спиной стоит *он*. Лицо мгновенно вспыхивает: то ли от гнева, то ли от стеснения. Я оборачиваюсь и вижу *его*. *Этот человек* небрежно облакачивается плечом о потертый фонарь, и я бы поверила в то, что ему комфортно вот так вот стоять передо мной и криво улыбаться, если бы не красные пятна, выступившие у него на шее.

Этот Константин высокий. Стройный. Волосы короткие и светлые, немного рыжеватые. Почему-то морщусь, понимая, что еще вчера сама ходила с похожим цветом волос.

— Не знаю, с чего начать, Зоя, — наконец проговаривает он, но я тут же вставляю:

— Зои.

— В смысле?

— Не Зоя, а Зои.

— Прости. — Он откашливается. — Знаешь, я хотел сказать, что мне очень жаль. Маргарита была чудесным человеком, что бы и кто о ней ни говорил.

— Поэтому вы ее бросили? — Я не произношу этот вопрос со злостью или с гневом. Скорее просто хочу понять,

что же случилось и почему мои родители так и не стали крепкой, дружной семьей. Мужчина пожимает плечами.

— Это сложно. Не думаю, что стоит говорить об этом прямо сейчас. На пороге. Давай пройдем в дом, я все тебе покажу. Не волнуйся, слышишь? Я правда сожалею и хочу помочь.

Так и хочется закричать: да не нужна мне твоя помощь! Мне нужен был отец, моей маме нужен был муж. Нам нужна была опора, поддержка, защита, но у нас ничего из этого не было. Ничего! Но я не произношу ни звука. Пусть во мне и бушует пожар, поддаваться эмоциям глупо, ведь что бы я ни кричала, о чем бы ни говорила — идти мне некуда.

Этот человек — моя единственная надежда хотя бы на какое-то будущее.

Константин водит меня по роскошным, огромным комнатам, то и дело отвлекаясь на звонки. Особняк просто невероятный. Я никогда не видела ничего подобного, но стараюсь держать себя в руках и не расширять глаза слишком уж часто. Также я стараюсь не вздыхать, не охать, не каменеть и не заикаться. Как же так получилось, что люди живут настолько по-разному? Все мы работаем, все мы стараемся достичь лучшего, однако кто-то ест из одноразовой посуды, а кто-то десять минут раздумывает над тем, каким именно по счету ножом разрезать рыбу. Разве не абсурд? Да, оплата каждому своя: кому-то повезло больше, кому-то меньше, и, естественно, мы никогда не избавимся от этого пресловутого социального неравенства. Но есть ли предел безумию? Я два года почти ничего не ела, делила с мамой один кусок мяса на двоих — и то не каждый день. Что же в это время делали люди с этой улицы?

— Прости, — в очередной раз извиняется *этот человек*. Он убирает телефон в карман и поправляет вязаный светло-бежевый свитер. — Не работа, а сплошное сумасшествие. Наталья говорила, чем я занимаюсь?

— Нет. — Почему-то вру я и скидываю подбородок. — Мы не говорили о те... вас.

Константин не обижается. Наоборот, понимающе кивает, и это бесит меня еще сильнее: с какой стати он вдруг играет роль чуткого отца? Может, и виноватым еще себя считает? С силой прикусываю губу. Мне не по себе от этого места. Пусть здесь красиво — здесь холодно. Много пространства для одиночества.

Мы вновь спускаемся на первый этаж. Идем в зал, который совсем недавно показался мне слишком вычурным: кресла с дубовыми подлокотниками, толстые ковры, люстры, комоды, книги на широченных деревянных полках — не перебор ли? Хотя не мне судить. Я как раз собираюсь спросить, можно ли подышать свежим воздухом — не терпится сбежать, — как вдруг вижу около стеклянного столика высокую, худую брюнетку.

— Зои, хочу представить тебе свою жену. Елену. — Константин подходит к незнакомке и ласково берет ее под руку. Возможно, уголки ее губ и дергаются в чем-то, напоминающем улыбку, однако я не ведусь на этот трюк. Уверена, эта особа уже со всей страстностью и горячностью успела меня возненавидеть.

— Привет, — говорит она, но руку в мою сторону не тянет.

— Здравствуйте.

— Надеюсь, ты добралась без происшествий.

Опять это глупое слово. Боже, да я в курсе, что все вы желаете моей смерти, но, увы, простите, никто пока не пытался пробить дыру в моей тупой башке, и я жива, и я приехала, и я намереваюсь портить вам жизнь своим присутствием. Ведь вы именно так считаете?

— Меня нет, я умер, и до семейных драм мне нет никакого дела! — вдруг раздается голос за моей спиной, но я не оборачиваюсь. Еще один ненавистник?

Эй, парень, выстраивайся в очередь! Дом и так кишит мегерами.

— Подожди, Саша. Стой. — *Этот человек* хмурит брови и холодно отрезает: — Вернись.

— О боже, я же объяснил, мне плевать. Не хочу разговаривать, не хочу даже думать об этом и вообще лучше не...

Голос замолкает. Я все еще не оборачиваюсь, чувствуя себя полной дурой. О чем я только думала? Приехать в чужой дом, в чужую семью. Кому я здесь нужна, да и кто *мне* здесь нужен? Это неправильно. В конце концов, в приюте я хотя бы не должна притворяться, что все хорошо, не должна быть благодарна! А тут... зачем же мне быть здесь? Обязана ли эта семья оплачивать мое существование, а главное — смогу ли я с этим смириться? Нет, конечно нет! Мама погибла, но это не их вина. Я твердо намереваюсь убежать из этого дома — без объяснений, без разрешения — разворачиваюсь и... замираю. Где-то на заднем фоне Константин объясняет, что это его сын, что его зовут Саша, что он не хотел меня обидеть, но мне не пошевелиться. Я стою в недоумении: неужели в жизни случаются такие совпадения?

Знакомый уже мне парень неуклюже потирает разбитую губу и усмехается: уверена, он удивлен не меньше моего. Не знаю, что сказать. Робко пожимаю его широкую ладонь.

— Ну привет, — говорит он, а я все пытаюсь осознать, что это тот самый несчастный чудак, улизнувший из рук сумасшедших психопатов через окно в моей ванной. — Ты та самая Зои?

— Видимо, да.

— Вы знакомы? — спрашивает Константин, на что Саша издает нечленораздельный звук и отмахивается.

Видимо, скрывает происхождение своих синяков. Неужели Саша сказал, что наткнулся на дверной косяк? Я хмурю лоб и неожиданно осознаю, что цвет наших глаз неспроста так схож. У нас общий отец, мы практически родные, и мы виделись вчера, ни о чем даже не подозревая.

Что это, если не судьба?

Я покачиваю головой и отрезаю:

— Мне надо на воздух.

Срываюсь с места и со всех ног несусь к выходу. Плутать не приходится. Широкие двери оказываются прямо перед моим носом, едва я выбегаю из зала, и уже через

секунду я оказываюсь за порогом этого чертового дома, в котором куча места, но совершенно отсутствует кислород. Не знаю, куда себя приткнуть. Нервно хожу из стороны в сторону, стискиваю пальцами талию, а затем сдаюсь и плюхаюсь на порожек. Пытаюсь привести в порядок дыхание, мысли. Опускаю голову на колени и вдруг понимаю, что сейчас развалюсь, если кто-то неожиданно решит ко мне прикоснуться. Рассыплюсь на части.

— И как теперь быть? — неожиданно спрашивает знакомый голос, но я не реагирую. Все продолжаю жмуриться и медленно дышать. — Я ведь поклялся тебя ненавидеть.

— Аналогично.

— А ты помогла мне.

— Так и есть.

— Это паршиво. — Саша тоже садится на порожек, однако нас все же разделяет приличное расстояние в несколько десятков сантиметров. — Ты как?

— Нормально.

— А если честно?

— Пока рано говорить честно.

Поднимаю на парня взгляд и вижу уже знакомые мне уродливые веснушки. Он молчит, ждет чего-то, а меня так и дерут на куски бешеные, странные чувства, и я не знаю, что сделать, чтобы утихомирить их, что сказать, чтобы избавиться от этого ядовитого огня в груди.

— С тобой все в порядке? — выпаливаю я, на что Саша усмехается.

— Что? — недоумеваю я. — Чего ты?

— Ты за меня волнуешься! — вскинув руки, восклицает он. — Куда уж смешнее? Внебрачная дочь моего отца оказывается адекватным, приятным человеком, который способен не просто на нормальное общение, но еще и на нормальные чувства! Поразительно! А я ожидал встретить убогую, прыщавую малолетку.

— А я думала о горбатом, тощем неудачнике.

— Я и так тощий!

— Ну не настолько же.

Мы вновь усмехаемся. И это так странно. Странно сначала привязаться к человеку — пусть чувство и было мимолетным, — а потом попытаться его возненавидеть.

— Может, провести тебя до комнаты? — неуверенно спрашивает Саша, на что я вскидываю брови. — Тебе ведь нужен гид, брат, друг.

— Друг, — быстро соглашаюсь я. — Именно он.

— Вот и отлично, — поднимаясь, выдыхает парень. — Не знаю почему, но мне кажется, я могу тебе доверять.

— Может, потому, что я спасла твою жизнь?

— Все мы время от времени нуждаемся в спасении. Человек тонет — протяни руку помощи, правильно? Иначе мы не только хладнокровно наблюдаем за его мучениями, но и становимся в какой-то мере соучастниками преступления.

— Наверное.

— Пойдем. Сегодня не я утопающий.

Он протягивает мне руку. Я смотрю на нее, хочу объяснить, что все очень сложно, очень запутано, и в то же время понятия не имею, что сказать. Слова так и застревают где-то в горле. Трудно выдавить из себя хотя бы звук, когда в голове полный кавардак, а внутри — палящая пустота. Тогда Саша присаживается обратно и кладет подбородок на прижатые к груди колени.

— А может, — шепчет он, — и правда не стоит спешить?

Я незаметно киваю, и мы так и сидим на пороге до тех пор, пока наши лица не становятся темными, улицы не покрываются нежным мраком, а фонари не превращаются в высоченные, мутные фигуры, бросающие свет лишь на те места, которые им близки и знакомы.

ГЛАВА 4

Ночью не плачу. В горле ком, но я упрямо держу себя в руках и засыпаю, сжимая пальцы в кулаки до такой степени, что наутро ладони в небольших красных ранках. Моя

комната огромная, правда, стены давят с такой силой, что хочется как можно скорее убраться подальше. И я не медлю: подрываюсь с постели, будто ужаленная. На деревянном стуле висит одежда. Клетчатый сарафан и белая рубашка. С ужасом осматриваю этот наряд: что за черт? Я должна надеть *это*?

— Боже.

Закатываю глаза и пару раз глубоко выдыхаю. Три месяца. Всего три месяца, и я буду свободна. Беру одежду и пулей бегу в ванную. В *свою* ванную. Помимо гигантской гардеробной к спальне примыкает ванная комната, и вчера я неприлично долго стояла на пороге, соображая, потому что раньше не видела ничего подобного. И меня пугала отнюдь не цена белоснежных, мягких табуретов, а то, что я прожила почти восемнадцать лет, но никогда еще не сталкивалась лицом к лицу с подобными условиями.

Втираю в кожу какой-то приятный, густой гель, становлюсь под грубые, горячие струи воды и жду, когда тело будет полностью чистым. Помещение наполняется паром. Становится жарко. А я все жду и жду, и думаю уже не о мыле, не о шампуне, а о предательстве, которое совершила. Смоется ли оно одновременно с грязью? Недовольно закрываю кран и вырываюсь на свободу. Обматываю тело полотенцем и мысленно повторяю: у тебя нет выхода. Ты должна жить здесь. Ты должна смириться с тем, что бежать некуда. Я поднимаю взгляд и вижу себя в зеркале, окруженную этой расписной плиткой, ароматическими маслами, тусклыми, круглыми лампами, и замираю: на такую жизнь не соглашаются, о такой жизни *мечтают*. Шелковые простыни, дорогая школа, неприлично богатый отец — все это не наказание. Все это походит на щедрый подарок свыше, который заставляет меня чувствовать вину и стыд перед мамой.

Надеваю блузку, потом сарафан. Он немного велик в бедрах, но я не обращаю внимания. Какая разница. Расчесываю мокрые волосы. Они становятся прилизанными, и выгляжу я наверняка ужасно нелепо, но опять-таки: и что с того? Если мне все же и предстоит жить здесь, то

я попытаюсь не придавать ничему огромного значения. Пусть все будет как будет.

Я спускаюсь на первый этаж, нервно поправляя ворот блузки. Вижу Сашу — он тоже одет в нелепый, клетчатый костюм и теребит красный галстук. Надеюсь, он будет рядом, когда дети богатых снобов решат разорвать меня на кусочки. Хотя, стоп. *Какая разница.*

— Школа — это обязательный пункт, Зои, — внезапно говорит Константин. Он появляется из ниоткуда и припечатывает меня к месту серьезным, деловитым взглядом. — Прости, но так надо. В нашем лицее каждый день — определенная стоимость. Директриса согласилась принять тебя, но намекнула на безупречную посещаемость, что значит, ты должна идти на учебу уже сегодня, а не через несколько дней, после того как привыкнешь к обстановке.

— Я поняла.

— Саша поможет тебе.

— Хорошо.

— Занятия до четырех. За вами приедет машина. Если хочешь, мы можем встретиться в городе. У меня перерыв с пяти до половины седьмого. Обсудим наши... — он мнет-ся и хмурит лоб, — наши отношения.

Не могу сказать, что мне не терпится поговорить с *этим человеком* о его прошлом. Но любопытство перевешивает гордость, и я киваю. Ради мамы я должна знать правду. Должна во всем разобраться. Мы смотрим друг на друга чуть дольше положенного, а затем Константин откашливается и провожает нас до двери. Саша выходит первым. Плетется к машине, а я так и стою на пороге, не понимая, что делаю, зачем на мне этот дурацкий наряд и отчего сердце так бешено бьется.

— Прости, если что-то не так, — неожиданно говорит *этот человек*, и я недоуменно оборачиваюсь. Он стоит в углу, и правую часть его лица освещает утреннее, неяркое солнце. Вторая же половина темная. И почему-то я думаю о том, что у каждого из людей есть добрая и злая сущность. Какой же он — мой отец? Чего в нем больше: хорошего или плохого? Он так заинтересованно на меня смо-

трет и выглядит действительно порядочным мужчиной. Но что же с ним произошло семнадцать лет назад? Почему он бросил маму, почему не позаботился о ней, почему отпустил? Неужели наше поведение оправдывает отнюдь не наш характер, а всего лишь обстоятельства? Какими же тогда мы жалкими, должно быть, выйдем со стороны.

— Зои, я правда не знаю, как себя вести. Я не был тебе отцом. Но сейчас именно я обязан о тебе заботиться.

— Не обязаны.

— Обязан. И я прошу тебя помочь мне в этом. Не отталкивай меня, слышишь? Давай хотя бы попробуем узнать друг друга.

— Я же согласилась встретиться, — смущенножимаю плечами. — Что еще вам нужно?

— Ты понимаешь, о чем я.

И я понимаю. Однако не собираюсь менять своего мнения. Вряд ли мы станем близкими людьми, вряд ли я приду к нему, когда мне будет плохо или страшно. И пусть биологически он мой родной отец, внутри я не ощущаю ничего, кроме страха перед чужим, неизвестным мне мужчиной, от которого на данный момент зависит мое будущее.

— Я опоздаю на учебу. — Я поправляю ремень сумки и с вызовом смотрю в эти похожие зеленые глаза. Если Константин считает, что все так просто, он сильно ошибается. — Увидимся после занятий.

Саша уже сидит в черной, тонированной машине. Он небрежно вытягивает ноги, кидает на меня косой взгляд и протяжно выдыхает. Видимо, понимает, что мне сейчас паршиво.

Автомобиль трогается с места, и меня припечатывает к креслу.

Интересно, как сильно эта школа отличается от той, где я училась раньше? Меня же отчислят, едва я открою рот на какой-нибудь заумной физике. Водитель резко поворачивает, и я в очередной раз ударяюсь спиной о сиденье.

— Он что, убить нас хочет?

— Просто спешит, — поясняет Саша. — Мы опаздываем, а за опоздания у нас санкции. Поверь, тебе лучше о них не слышать.

— Пережить бы этот день.

— Кстати, об этом. — Мне не нравится тон парня: какой-то неуверенный и виноватый, и поэтому я тут же перевожу на него взгляд. — Тот псих...

— Какой псих?

— Который хотел выпотрошить меня.

— Блондин с кошачьими глазами?

— Да-да! Именно он. Так вот. Он...

— Что? — тяну я и полностью поворачиваюсь к брату. Тьфу. К другу. Или не знаю к кому, в общем. — Что ты мямлишь. Говори нормально. Сейчас ты не пьян и не убегаешь от качков.

— Зои, он учится в нашем лицее.

— А я думала, хуже быть не может.

— Это ерунда на самом деле, — добавляет Саша и как-то нервно поправляет ярко-красный галстук. — Я учусь с ним всю жизнь, и столько же он планирует стереть меня в порошок. Но, как видишь, я цел и невредим.

— Ты говорил, что ты — труп, — недовольно напоминаю я. — Я помогла, потому что думала, что у тебя серьезные проблемы.

— Так и есть. Просто эти проблемы немного затянулись.

— Затянулись? Боже, да я ведь ему соврала, и он это понял. А эти лысые секьюрити рядом с ним... Что ты на самом деле натворил? Дело ведь не в рыжеволосой отличнице. Скажи честно.

— Пока рано говорить честно, — передразнивает меня Саша. — Все будет хорошо. Не бойся.

— Я и не боюсь.

— Тогда тем более не парься.

— Почему ты так говоришь? Это ведь опасно. В прошлый раз тебя сильно избили, ты был испуган, растерян. Неужели ты не понимаешь, что может произойти сегодня?

— Нет, Зои, это ты ничего не понимаешь, — резко отвечает парень, и я замираю. Понятия не имею, чем вы-

звала такую реакцию, но мне определенно становится не по себе. — Забудь.

— Но...

— Забудь, — твердо повторяет он. — Жаль, что я втянул тебя в это, но поверь мне на слово.

Возможно, я перешла черту, ведь в конце концов о Саше мне ничего не известно. И тем не менее интуиция подсказывает мне быть наготове: кто знает, что меня ждет.

Мы останавливаемся около кривого здания в стиле деконструктивизма, которое визуально отражает всю агрессивность и враждебность местных взглядов, и я тут же чувствую, как в тугой узел поочередно скручиваются мои органы: чего ожидать от учеников этой школы? Наверняка они такие же непростые и замысловатые, как и острые, титановые пики, тянущиеся к небу из кирпичного фасада. Саша хлопает дверцей, а я схожу с места только после нескольких громких вздохов и мысленного пинка под зад. В конце концов, чего именно я боюсь? Перемен? Людей? Осуждения? Нужно проще относиться к тому, что со мной происходит. Мне ведь многое пришлось пережить, не самое хорошее. После побоев некоторых маминых ухажеров, после поздних походов в клуб, разговоров со смердящими алкоголиками, танцовщицами, наркоманами — нынешнее состояние дел не должно внушать мне никакого ужаса. Вот только неясно, почему же так сильно хочется сорваться с места и броситься наутек.

За то время, пока мы доходим до огромных, стеклянных дверей, меня успевают осмотреть и отсканировать сотни любопытных взглядов. Я стараюсь не обращать на них внимания. Иду рядом с Сашей, но то и дело ловлю себя на мысли, что неосознанно сжимаю руки в кулаки.

— У нас есть правила, — говорит Саша по пути в кабинет директора, и я концентрируюсь на его голосе. — Прогулы — плохо. Форма — хорошо. Внеклассная деятельность — очень хорошо. Драки — я бы не советовал. Захочешь пустить слухи — дерзай, источник не найдут,

уверяю. А вот если решишь выяснить с кем-то отношения — сто раз подумай. Последствия печальные и обычно обсуждаемые. Бурно обсуждаемые.

— Просто Беверли-Хиллз.

Саша усмехается, а я осматриваю огромные окна, которые украшают почти все стены школы. От этого мне кажется, будто я попала в бесконечный, светлый лабиринт из чьих-то лиц, отражений, зеркал. Удивительное зрелище. Свобода повсюду и одновременно нигде.

— Ты учишься здесь всю жизнь. — Это не вопрос, но Саша все же отвечает:

— Да. Сколько себя помню — постоянно тут.

— Удивительное пренебрежение к тому, что в глазах других делает тебя счастливым.

— Что именно? Окна? Алгебра? Итоговые экзамены? Или, может, ежемесячные сборища в актовом зале, где рассказывают, кто и когда прокололся?

— Видел бы ты мою прежнюю школу. Не выделялся бы.

— Да это не школа, а Колизей. Каждый день — борьба то с учителями, то со сверстниками.

— Везде так.

— Не везде. В обычных школах дети просто хотят быть лучшими. А в моей школе все рвут глотку за то, чтобы не стать худшим.

— Какая разница?

— Большая. Стремление развиваться или стремление пройти по чужим головам? Я не знаю, как *там* — за пределами моей прочной скорлупы, — но у нас здесь сплошное соревнование. И цель — не стать победителем. Да, все хотят выиграть. Но еще больше все хотят выиграть у кого-то. Обойти кого-то. Унизить. Поразвлечься. Самоутвердиться за счет чьей-то неудачи, а не за счет собственной победы. Это напрягает.

Саша говорит так, будто действительно знает, в чем дело. Будто прошел через подобное, и не один раз. Поэтому я тихо спрашиваю:

— А ты к какому типу относишься?

— Угадай. — Он кривит подбитую губу. Едва ли крутой парень искал бы спасения посреди ночи в каком-то мотеле. — Если ты думала, что дружба со мной облегчит тебе жизнь, ты сильно ошибалась.

Саша улыбается, а я все равно вижу, как ему обидно. В чем он провинился? Почему-то я уверена: он не сделал ничего такого, что чуждо всем, кто учится в этой школе. В очередной раз поражаюсь тому, насколько жестоки именно дети. Они грызут друг друга похлеще взрослых, не имея на то никаких причин. А главное — им кажется, что они поступают верно.

— Я вообще-то о другом подумала, — бодро восклицаю я и на удивление просто сокращаю огромный, ледяной разлом между нами. Теперь наши руки соприкасаются, и Саша недоверчиво вскидывает брови. — Мне ловить нечего, о'кей, но вот ты можешь купаться в лучах моей славы.

Надеюсь, парень поймет мою шутку, и, к счастью, вижу, как он широко улыбается. Не хочу, чтобы Саше было плохо, пусть это и звучит нелепо. Мы едва знакомы, с чего я вообще должна о нем волноваться? Но что-то мне подсказывает, что нам надо держаться вместе.

Парень доводит меня до нужного кабинета, а затем перекрещивает, как в церкви.

— Иди, сестра моя, — низким голосом протягивает он. — Я подожду до звонка, потом пойду на урок, иначе влепят штраф. Номер класса уточни у охранника или спроси у директрисы.

— Может, она меня и проведет? В конце концов, я — новенькая. Теплый прием, радушие, забота о каждом ученике и все такое.

— Наивная.

Саша смеется и машет мне рукой, а я уверенно прохожу в просторный кабинет директора.

— Здравствуйте. — Полноватая женщина отрывает взгляд от документации и вскидывает брови. — Я Зои. Зои Регнер. Мне сказали... вы ждете. Насчет предметов надо поговорить, да? Или вы хотели меня испытать? Или что там еще делают с новенькими?

— Зои Регнер?

Киваю и наблюдаю за тем, как женщина неуклюже поднимается с малюсенького кресла: черт, как же она там уместилась? Отмахиваюсь от глупых мыслей и вижу, как она подходит к еще одной двери. Медленно стучится, медленно переводит на меня лукавый взгляд и также медленно отрезает:

— Директор Кузовлева уже давно вас ждет.

— Ооо, — растерянно тяну я. Ну конечно. Неужели у такой шикарной школы была бы такая несимпатичная директриса? Во всем должен быть вкус. Даже в выборе начальства. — Хорошо.

Я киваю и на ватных ногах захожу в смежный кабинет.

— Который час?

Останавливаюсь. Прямо передо мной стоит худощавая, высокая женщина с блестящими от лака волосами и узкими глазами скорее от гнева, чем от яркого солнца. Она скрещивает на груди руки и повторяет:

— Который час, Зои?

— Половина девятого.

— Ты собираешься идти на занятия?

— Ну да.

— Тогда почему ты пришла ко мне тогда, когда должен уже начаться первый урок? Ты решила его пропустить? Сочла неважным прийти немного пораньше?

— Простите, я просто не...

— Это неприемлемо, — перебивает меня директриса и подплывает к деревянному столу, окруженному книжными шкафами. Я застываю с открытым ртом, а она продолжает: — Впредь приходи вовремя. Я знаю, в какой ты ситуации. Знаю, как тебе сложно. Но учти, меня это не волнует. Ты в моей школе, а здесь мои правила.

Директриса испепеляет меня пренебрежительным взглядом, и, вместо того чтобы покорно кивнуть, я расправляю плечи и говорю:

— Простите, но я и не сомневалась, что никому здесь нет до меня никакого дела.

— Значит, не разочаруешься.

- Не разочаруюсь.
- Садись.
- Я постою.

Складываю перед собой руки: если это поединок, я сдаваться не собираюсь.

— Как хочешь. Итак, твои оценки. Средний балл — четыре с половиной. Вполне подходит для нашего лица, однако сомневаюсь, что результат останется неизменным после контрольных тестов. Программа у нас сложная. Тебе придется многое наверстать, чтобы хорошо сдать экзамены, ты это понимаешь?

— Понимаю.

— Советую записаться на дополнительные занятия по основным предметам и, конечно, по тем, на которые ты рассчитываешь при поступлении. Ты уже выбрала институт?

— Планы изменились, как видите. Сейчас все иначе.

— Не тяни резину, никто не сжалится над тобой, Зои. — Директриса слегка горбится и облокачивается бедрами о стол. — Что насчет внеклассной деятельности? Ты занималась чем-то в прежней школе?

— У нас не было кружков.

— Поешь?

— Нет.

— Танцуешь?

— Нет.

— И рисовать наверняка не умеешь.

— Не умею.

— Чем же ты планируешь заниматься? Развитие определяет степень просвещенности, культуры. Нет развития — нет изменений, а стоять на месте — значит быть мертвым.

— Простите, — к собственному удивлению, я усмехаюсь. — Но я ничего не умею. Нет во мне никакой культуры, увы.

— Отсутствие культуры — не всегда отсутствие таланта. Неужели нет того, что приносит тебе удовольствие? Зои, это даже как-то обидно.

— Я люблю музыку. Но как это поможет мне в жизни и при сдаче экзаменов?

— Возможно, никак. Однако я буду спокойна, если ты займешься чем-то дельным помимо школьных занятий.

Так и хочется спросить, какое вам дело? Но внезапно я понимаю, к чему она ведет. Дочь стриптизерши, заблудшая душа в коридорах престижной, дорогой школы. Какому директору такое придется по душе? Вместо того чтобы воспитывать городскую элиту, ей придется следить за тем, чтобы я не обкурилась и не обдолбалась в блестящих туалетах. Вот уж непосильная задача: свалить себе на плечи трудного подростка с кучей дополнительных бонусов. В одну секунду эта высокая женщина вызывает во мне не просто злость, а открытое презрение. Я знаю, что не являюсь примером для подражания, но еще никогда я не чувствовала себя таким ничтожеством.

— Мне можно идти? — говорить сложно, но я упрямо скидываю подбородок. Смотрю этой стерве прямо в глаза и не моргаю. Пусть знает, что ее угрозы меня не пугают.

— Да, и запомни: твой отец немало сделал, чтобы тебе выпал этот шанс. Не упусти его.

— Не упусти.

Я срываюсь с места и пулей вылетаю из кабинета. Даже в коридоре не сбавляю темп. Все бегу и бегу, и думаю о том, куда попала и кем теперь стану. Как же сражаться с такими людьми? Они высосут из меня все соки, все силы! А как она на меня смотрела? Она не видела перед собой семнадцатилетнего подростка, она видела протухший продукт, который вдруг ее заставили съесть. Ну и подавись, стерва!

Останавливаюсь возле окна в пол. Смотрю на газон, высотки вдаль и хочу вернуться домой. Я знаю, там у меня не было возможностей, не было даже шансов на хорошее будущее. Но кому нужны эти мечты, если после их достижения ты превращаешься в бесчувственную глыбу? Тут и сказать нечего, да и о чем говорить, когда человек, чья профессия подразумевает любовь к детям, только что вылил на меня столько грязи?

К счастью, не все учителя хотят увидеть, каким прекрасным, алым цветом заливаются мои щеки, поэтому

большинство занятий проходит более-менее спокойно. Конечно, меня бесят чужие взгляды, шептания за спиной, но кто сказал, что будет просто? Да и я бы наверняка с трепетом обсуждала «свежее мясо». Такое испытание обязан пройти каждый новенький, это своего рода посвящение, однако уже к концу четвертого урока я даже привыкаю к чрезмерному вниманию и перестаю на нем заикливаться.

В столовой со мной никто не садится. Я говорила с парочкой блондинок на занятии по литературе, правда, не думаю, что они рискнут и присоединятся ко мне. Это слишком опасно, когда речь идет о собственной репутации. Занимаю единственный свободный столик около входа и кисло осматриваю еду: школа вроде хорошая, а еда отвратительная. Вареные овощи, вареное мясо, какой-то светло-желтый компот. Так и сарафан на мне перестанет держаться. Скептически разрезаю филе серебряным ножом — о да, я уверена, это настоящее серебро — и удивленно оборачиваюсь, заметив, как кто-то садится рядом. Уже хочу сказать «привет», но замечаю два хитрых, карих глаза и цепенею. О нет! Так и тянет кинуться прочь, ведь перед собой я вижу того самого парня, что избил Сашу возле мотеля. Он едва заметно улыбается, растягивая тонкие губы, и по-хозяйски облакачивается о край стола.

— Кого я вижу, — говорит он, — маленькая лгунья.

Я натянуто улыбаюсь и возвращаюсь к еде. Решаю, что с меня хватит плохих событий на сегодня. Парень не шевелится. Краем глаза замечаю, как он играет с зубочисткой, крутит ее во рту, зажимая белоснежными зубами. Его движения напоминают мне повадки скользкой змеи. Он и сам змея, судя по тому, что сделал с Сашей. Гадкий, неприятный тип. Глядя на его острые черты, созерцая эти невероятно холодные глаза, невольно хочется отвернуться.

— Удивительно, — тянет он, водя длинным пальцем по столу, рисуя на нем невидимые узоры, — как ты оказалась здесь?

— Стечение обстоятельств, — отвечаю я без особой охоты. Он усмехается, но мне совсем не кажется, что это

игривая ухмылка. Скорее — предупреждение. Я солгала ему. Неужели меня ждет та же судьба, что и Сашу?

— Выглядишь потерянной, — продолжает он низким голосом, — тебя смущают местные ребята? Если хочешь, я накажу обидчика.

— Я в порядке. Спасибо.

— Видимо, ложь — твой талант.

Вновь смотрю на парня и почти явственно ощущаю, как от него исходят неприятные, колючие волны. Мне вдруг становится страшно. Возникает ощущение, что он вполне мог бы ударить меня сейчас. Хочется рвануть вон из столовой, как можно дальше отсюда, но в голове вновь просыпается это ноющее желание постоять за себя. Глупое желание.

— Не говори так со мной, — отрезаю я, стараясь имитировать ту же холодность, что и парень.

— А как же с тобой говорить? — с наигранным интересом спрашивает он и поправляет пышную светлую шевелюру. На запястьях сверкают золотые запонки. Наверняка новенькие. Те были испачканы кровью. — Ходят слухи, твоя мамочка была той еще штучкой. Это правда?

— Может, ты просто найдешь себе другое место?

Между нами вспыхивает что-то опасное. Парень глядит на меня упрямо, словно и вправду ждет ответа на свой идиотский вопрос. Его глаза сияют азартом, каким-то странным и глупым желанием. Секунду спустя я понимаю, что желание это простое — унижить меня. Покрыть грязью. Точно так же, как он сделал это с Сашей. Молча смотрю на него, стараясь не выглядеть жалкой. Он изгибает губы в презрительной усмешке и едва ощутимо касается пальцем моей щеки. Я отстраняюсь, резко и быстро.

— Лучше ты найди себе другое место, маленькая лгунья.

— Иначе что ты мне сделаешь?

— Найди другое место, — настойчиво повторяет он, хватая меня за руку так сильно, что мне кажется, будто после этого останется жуткий синяк, — или тебе сильно не поздоровится.

— Отпусти. Мне больно!

— Привыкай к этому чувству, лгунья, — ледяная улыбка растягивает его губы, — ты еще не раз испытаешь его, если снова прикроешь своего названного братца.

Мы смотрим друг на друга еще пару секунд, и, кажется, весь мир вокруг остановился, замер, а затем я наконец вырываю руку из его пальцев и подрываюсь с места.

— Отправляйся к дьяволу, больной ублюдок, — шиплю я, глядя в кошачьи глаза. — Еще раз подойдешь ко мне, пожалеешь!

Подхватываю с пола сумку, закидываю к себе на плечо и решительно несусь к выходу. В столовой так тихо, что я слышу собственные шаги. Наплевать. Пусть смотрят.

Я иду по стеклянному коридору, не оглядываюсь и сдерживаю рыдания где-то в глубине души. На физкультуру прибегаю вся взвинченная. Одеваюсь в желтую униформу, едва не порвав шорты. Плевать на всех, плевать! Завязываю волосы в тугий хвост, даже не смотрю на своих одноклассниц, которые так и тарашатся на меня во все глаза, и выбегаю на стадион. Ах, идите к дьяволу! Все к дьяволу! Ношусь по кругу как угорелая. Учительница меня хвалит, говорит: у меня талант. О да, что вы говорите! Пойдите, доложите директрисе, она сто процентов обрадуется! К концу урока едва дышу. Я вся потная и жутко уставшая, мне уже даже злиться сложно. Просто хочется поскорее покончить со всеми делами и вернуться домой. Ну, или куда там. Куда получится. Я плетусь обратно в раздевалку и радуюсь такому маленькому плюсу, как душевые кабинки. Мне сейчас крайне необходимо смыть с себя не только пот, но и лишние эмоции. Одноразовые белоснежные полотенца сложены в пирамиду на невысоком, стеклянном столике. Я беру одно из них и слежу за тем, куда идут остальные девушки. Через пару минут я оказываюсь в широкой, просторной комнате, оборудованной закрытыми душевыми. Хотя бы что-то хорошее за весь день. Я решаю не мыть голову. Потираю плечи, живот и слушаю, как о чем-то разговаривают одноклассницы. Становится немного грустно. Я невольно вспоминаю о том, что никто здесь не мечтает обзавестись новым другом, как вдруг чувствую чьи-то пальцы на спине.

— Зои?

Вздрагиваю и оборачиваюсь. Уже готовлюсь отбиваться всем, что попадется под руку, но натыкаюсь на милую блондинку. Она неожиданно протягивает:

— Ты молодец!

— Что? В смысле?

— То, что ты сказала Диме. Это правильно. Ему надо давать отпор, а то совсем заигрался.

— Вот, значит, как, — неуверенно киваю. — Да, он странный.

— А что ты хочешь от парня, отец которого буквально держит весь Питер? — Она хмыкает и пожимает худыми, красивыми плечами. — Главное, потерпи. Он успокоится со временем. Так всегда бывает, поверь.

— То есть я не первая, кого он хочет убить?

— Убить? — Блондинка звонко смеется. — Нет, конечно нет. Не ты первая, не ты последняя.

В ее голосе и интонациях есть что-то такое избитое, что я усмехаюсь. Очередное клише после злой мачехи и крутого, ненормального психа — именно глуповатая блондинка.

— Ладно, я... хочу помыться, если ты не против.

— Конечно! Просто хотела сказать, что думаю. — Она хихикает и уходит, виляя голыми, идеальными бедрами. Отлично! Теперь у меня есть союзник. Самое настоящее достижение.

Смываю оставшийся на коже гель и заматываюсь в полотенце. Материал приятный. Такой мягкий. Интересно, сколько же эта школа может себе позволить, если она расщедрилась даже на подобную мелочь? В размышлениях выкатываюсь из душевой и растерянно примерзаю к месту, увидев на крючке вместо собственной одежды неизвестный белый пакет. В груди что-то вспыхивает. Я нервно осматриваюсь, все надеюсь увидеть этот чертов сарафан, блузку: вдруг они упали? Но поиски тщетны.

— Блин! — Я закатываю глаза и разъяренно подпрыгиваю к оставленному подарку. Что же внутри? На что спо-

собны мои креативные одноклассницы? Из легких вышибают весь воздух, когда я достаю алый корсет, гольфы, трусы-шортики. В глазах начинает покалывать, правда, я держусь. Да. Держусь. — Кто это сделал? — смотрю на тех, кто переодевается, и скидываю брови. — Ну?

Все молчат. Они глядят на меня с сожалением, но оно не поможет. Попробуй они сделать хотя бы шаг в мою сторону, и уже завтра именно их одежда будет непонятно где спрятана.

Я плюхаюсь на скамью и понятия не имею, что делать. Выйти в полотенце? Пожаловаться директрисе? Сидеть здесь до конца второй смены? Или, может, позвонить папе?

Ответ взрывается в голове фейерверком. Я одержимо хватаю корсет, сбрасываю с себя полотенце и одеваюсь *в это*. Как когда-то одевалась *она*. Натягиваю гольфы, щелкаю застежками, распускаю слегка влажные волосы. Реакции на мой поступок у директрисы может быть две: или она меня исключит, или оставит. У Костика особо вариантов нет: придется принять меня такой, какая я есть. А вот с подростками куда сложнее. Они могут решить, что я сумасшедшая, или смелая, или такая же, как и моя мать. Тут уж кто знает, но мне бы хотелось вызвать удивление. Пусть понимают, что я способна на те вещи, о которых их слабые душонки могут только видеть сны.

Выхожу из раздевалки и гордо скидываю подбородок. Никогда не думала, что сотни разных взглядов способны выражать одни и те же эмоции. Шок. Удивление.

Я довольно улыбаюсь и как можно увереннее переставляю ноги. Вижу ненормального психа. Он обнимает ту самую — да-да, черт ее дери! — миловидную блондинку за плечи и не двигается. Смотрит на меня во все глаза и наверняка придумывает новый, изощренный план, после которого я уж точно не смогу так лыбиться. Однако на данный момент — мне плевать. Я покидаю школу под прицелом сотни глаз. И мне нравится, что все в шоке. Нравится, что я могу их поразить. В конце концов, они ничего обо мне не знают, а мне есть что сказать.

ГЛАВА 5

Саша садится в машину с каким-то пакетом и громко хлопает дверью.

— Просто не верится, — причитает он. — Ты спятила!

— А что мне нужно было делать?

— Зои, да что угодно, но только не дефилировать в кружевном корсете! Это же безумие, у тебя будут огромные проблемы. Черт! — Парень неожиданно начинает смеяться. — Ты — мой идол, мой гуру. Первый день — и такой успех.

— Успех? — Я выхватываю пакет из его рук и вытаскиваю чью-то школьную форму. Хочу спросить, кому именно она принадлежит, но передумываю. Какая разница. В любом случае я сгораю от стыда и хочу как можно скорее прикрыться. — У меня, блин, украли одежду! На меня наорала директриса. Твой друг, — делаю кавычки пальцами в воздухе, намекая, что совсем он не друг, — сказал, у меня будут неприятности, если я его послушаюсь. И это называется успех?

— Именно!

— Отвернись. Давай.

Саша отворачивается, а я надеваю чью-то блузку. Она пахнет лавандой, и я успокаиваю себя мыслями о том, что ее хозяйка была аккуратной. Снимаю чулки, забрасываю их в сумку и с ужасом сглатываю: не верится, что я решилась на подобное. Как и после всех сумасшедших поступков, на смену небывалой уверенности приходит стыд. Надеваю сарафан и бросаю:

— Все.

— Поехали, — командует Саша, и машина тут же трогается с места. Складываю остальную одежду в сумку и перевожу настроженный взгляд на парня.

— А как твой день?

— Уж лучше твоего.

— В этом я и не сомневаюсь. А что этот псих? Приставал?

— Приставать он может только к тебе, а ко мне у него совсем иные претензии.

— Что же ты натворил? Знаю, это не мое дело, но Саш, этот парень ненормальный. У него явно какие-то проблемы с головой.

— Он просто избалованный мальчишка, — улыбается Саша, но я вижу, как он нервничает.

— Надеюсь, ты никого ради него не убил.

— Поверь, для подобного он привлекает других людей.

— Что? — недоуменно вскидываю брови. — Я же пошутила.

— А я — нет. — Саша небрежно потирает веснушчатый нос. — Его отец только официально числится как управляющий какого-то отдела в администрации. На самом деле он держит всех шлюх, наркоторговцев, владельцев баров, подпольные казино... Вот кто настоящий псих. А его сынок — лишь жалкое подобие.

— И почему же он до сих пор на свободе? Ты так спокойно об этом говоришь, будто данная информация — достояние всех и каждого!

— Так и есть.

— Но в чем логика? Все знают, что он — плохой парень, и молчат?

— А кому говорить, когда он контролирует весь город? Что уж тут поделать, есть неприкосновенные люди. У них много денег, у них большие связи. Куда ни ступи — везде земля Болконского, и с этим ничего не сделаешь.

— Идиотизм. От того и его сынок решил, что ему все позволено.

— Яблоко от яблони... как известно.

Неожиданно до меня начинает доходить, с кем я связалась. И мой сгоряча заданный Диме вопрос: «Что ты мне сделаешь?» — сейчас кажется безумно глупым. Теперь ясно — он может абсолютно все. Я отворачиваюсь и отвлекаюсь на красивый вид за окном. Никогда еще не видела ничего подобного. Мне не приходилось выезжать за пределы родного города, и поэтому единственное, что вызубрила — старую и грязную улицу Ленина.

Санкт-Петербург — красивый город, не яркий, не модный, а какой-то родной. Спокойный и горизонтальный,

как водная гладь. Жаль, что я раньше не вырвалась исследовать уголки своей страны, ведь наверняка повсюду много чего удивительного.

— Ты как? — неожиданно спрашивает Саша, и я оборачиваюсь. Жизнь — странная штука. Ты барахтаешься в ней совершенно беспомощный, слепой до тех пор, пока кто-то вдруг не хватает тебя за руку и не вытаскивает на поверхность. — Любишь Кинга?

— Кинга? — Я растерянно выплываю из мыслей. — Да. Вполне.

— Тогда, может, после того как ты приедешь от папы, посмотрим «Сияние»? Я давно хочу посмотреть, но одному как-то страшно. А с тобой чего-то бояться — себя не уважать.

Я смеюсь. Классно, что Саша считает меня смелой. Если бы он только знал, сколько раз за сегодняшний день я едва сдерживала порыв разрыдаться!

— Отлично, — киваю я. — Договорились.

— Круто!

— Приехали, — громко произносит водитель.

Я зажмуриваюсь и мысленно восклицаю: *все будет хорошо, все будет в порядке.*

— Не волнуйся, — будто прочитав мои мысли, отрезает Саша. — Я не думаю, что директриса уже успела пожаловаться. К тому же на тебе школьная форма. Вряд ли папа что-то заподозрит.

— Ага.

Я забрасываю сумку на плечо и открываю дверь. На улице теплый апрель, солнце так и жарит голову, и я прищуриваюсь, осматривая невысокое здание городского суда. Чего именно мне бояться — разговора о маме или о моем звездном дефиле?

Неожиданно я замечаю пожилую женщину. Она случайно роняет пакет с продуктами, и в тот же миг зеленые, блестящие яблоки заполняют ровный тротуар хаотичными бусинами.

Я подхожу к ней и присаживаюсь рядом. Помогаю сложить продукты обратно.

— Все в порядке? — Я перевожу взгляд на женщину, а она кладет руку поверх моей ладони и кивает. Молча. Старики — совсем другие люди. Они не говорят много. Они знают: о чувствах не кричат, чувства показывают.

— Зои?

Я оборачиваюсь и вижу *его*: Константин стоит в тонком, черном плаще и смотрит на меня немного растерянно. Не знаю, что именно его удивило: то, что я умею сопереживать, или то, что я действительно приехала.

— Здравствуйте, — откашливаюсь и неуклюже выпрямляюсь. — Я не вовремя?

— Да нет, все в порядке.

— Вы хотели поговорить...

— Зои, — вздыхает отец. — Давай на «ты». Прошу тебя.

— Ладно. *Ты* хотел поговорить.

— Будешь кофе?

— Я не люблю кофе.

— Тогда, может, чай? — Он как-то по-детски улыбается и кренил тело немного вперед. Если бы я не знала, что между нами творится, я бы определенно решила, что Константин стесняется.

— Отлично. Чай сойдет.

Мы молча идем минут пять, затем сворачиваем на широкую, залитую солнцем улицу, и мне открывается сказочный вид Питера. Этот город — бесспорно подходящее место для таких людей, как мой отец, его жена, их знакомые, ведь только они в состоянии соперничать красотой с окутанными тайнами петербургскими переулками, с его величественной панорамой. Едва мой отец ступает на мост, как тут же мир преобразается, становится зарисовкой какого-то романа о богатом человеке. Но, едва на мост выхожу я, история перевоплощается в рассказик о девушке, чье место отнюдь не под солнцем, а в его тени.

— Я люблю дышать свежим воздухом, — неожиданно говорит Константин и кивает какому-то прохожему. — В Питере солнечные дни редкость, поэтому каждый раз я стараюсь пройтись хотя бы немного. Тебе ведь нравится?

— Да. Здесь красиво.